

АЛЯ ГЕРМ

*Империя Эйернон
Подари мне счастье*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аля Герм

Империя Эйернон

Подари мне счастье

<https://litres.ru/74176512>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОНА — ПЛАМЯ, КОТОРОЕ МОЖЕТ СПАСТИ ИМПЕРИЮ.

ОН — ЛЁД, КОТОРЫЙ НАУЧИЛСЯ ЕГО ХРАНИТЬ.

ИХ ЛЮБОВЬ СТАНЕТ ТЕМ, ЧЕГО НИКТО НЕ ЖДАЛ.

Для всех Ниса Даррэн — проблема.

Для её рода — полукровка с дикарским даром, грозящая спалить родовое гнездо.

Для Императорского совета — угроза чистоте крови.

Для короля-соседа — живое оружие, которое нужно заполучить.

А для неё самой — вечный страх перед пламенем, живущим в её крови.

Её дар — неконтролируемый огонь. Она боится его больше, чем любого врага. Пока все пытаются либо сломать её, либо использовать, единственный, кто встал на её сторону, — это Дагорн, наследник престола. Холодный, расчётливый но не потому, что не чувствует — а потому, что знает: её огонь нельзя гасить. Его нужно беречь.

Содержание

Пролог : Когда звёзды сложились в пророчество

4

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Аля Герм Империя Эйернон Подари мне счастье

Пролог : Когда звёзды сложились в пророчество

*Клиника Эйернона. Предрассветные часы.
Аля Герм*

Клиника Эйернона в предрассветные часы напоминала призрачный корабль, плывущий в море тумана. Её белоснежные стены, построенные из магического мрамора, впитывающего лунный свет, слабо мерцали в темноте. Внутри царила напряженная тишина, нарушаемая лишь равномерным гулом магических кристаллов — источников энергии, питавших сложные медицинские приборы.

Холодный свет операционных ламп, созданных по технологиям древних алхимиков, смешивался с бледными лунными лучами, проникающими сквозь витражное окно с изображением Феникса — символа империи. На стенах этот странный свет рисовал причудливые узоры из теней, которые извивались, словно живые существа. Воздух был насыщен про-

тиворечивыми ароматами — резкий запах антисептиков боролся с терпким благоуханием целебных трав, разложенных у изголовья кровати. Эти травы собирали в Лунных садах Даррэнов, где они росли под присмотром садовника Эшрефа.

В палате для особо важных пациентов, куда допускались лишь избранные врачи с допуском Совета Чистоты, Тайрин вцепилась в металлические поручни кровати. Её пальцы побелели от напряжения, ногти оставили глубокие царапины на магически закаленном металле. Каждая новая схватка заставляла её выгибаться, как тетиву лука перед выстрелом, её тело сотрясали спазмы нечеловеческой силы. За спиной тревожно пищали мониторы, их красные огоньки мигали в такт скачущему пульсу, предупреждая о критическом состоянии пациентки.

— Дышите, мисс Тайрин, — прошептал главный врач клиники, его белый халат с вышитой эмблемой — скрещенными змеями и жезлом — шелестел при движении. Его прохладная ладонь коснулась пылающего лба роженицы, пальцы заметно дрожали, хотя за свою трехвековую практику он принимал роды у самых знатных особ империи.

Тайрин зажмурилась, и перед глазами у неё поплыли воспоминания. Тёмные переулки Нижнего Эйернона, ведущие к их тайной квартирке, где Себастьян на несколько коротких часов мог забыть о своём титуле и положении. Его горячий шепот в полумраке спальни: "Я не смогу признать ребёнка,

но клянусь...". Эти слова теперь звучали в её ушах, смешиваясь с адской болью.

Новая волна схваток вырвала у неё стон, переходящий в крик. Аппаратура за спиной замигала алыми предупреждениями, один из кристаллов лопнул с резким хлопком.

— Магическое перенапряжение! — медсестра бросилась к приборам, её руки летали над панелью управления. — Организм не справляется! Ребёнок вытягивает из неё всю энергию!

Тишину разорвал неожиданный звук, заставивший всех присутствующих замереть. Не крик новорожденного, а чистый, звонкий смех, наполненный странной, почти неестественной радостью, будто сама вселенная ликовала в этот момент.

— Девочка... — врач поднял новорожденную, и его голос дрогнул, когда он увидел дитя.

Малышка была прекрасна до неестественности. Её кожа светилась перламутровым светом, будто под ней переливалась жидкая луна. Когда она открыла глаза...

— Боги... — медсестра отшатнулась, вжавшись в стену, её лицо исказил ужас.

Глаза. Ярко-зелёные, как изумруды, но с вертикальными зрачками, как у феникса. В них горел огонь, которого не должно было быть у только что родившегося ребёнка.

Дверь в палату распахнулась с грохотом, сорвавшись с магических петель.

В проёме стоял он — лорд Себастьян Даррэн, его чёрный плащ развевался, как живые тени, обвивая фигуру. Его лицо было бледным, глаза горели холодным огнём.

— Себастьян... — Тайрин протянула к нему дрожащую руку, и капли крови упали на белоснежные простыни, оставляя ярко-алые пятна.

Он рухнул на колени у кровати, его пальцы сжали её ладонь с такой силой, что кости хрустнули, будто он пытался удержать её в этом мире одной лишь силой воли.

— Почему ты не позвала раньше? — его голос звучал хрипло, срываясь на рычание, в котором смешались ярость и отчаяние.

Она слабо улыбнулась, её губы побелели от боли:

— Обещай... что она будет счастлива...

Себастьян стиснул зубы до хруста. В этот момент воздух в палате содрогнулся, стекла на медицинских шкафах затрещали. Зелёное сияние вырвалось из пелёнок, ослепительное, как вспышка молнии. Медсестра вскрикнула — на её предплечье проступил ожог в форме расправленных крыльев феникса.

— Феникс... — прошептал врач, бледнея, его руки дрожали так сильно, что он едва удерживал ребёнка.

Себастьян резко прижал дочь к груди. На его руках, там, где они касались кожи младенца, проступили золотистые узоры — будто кто-то выжег их солнечным светом, отметив таким образом прикосновение к чему-то священному.

— Мило...рд? — медсестра сжимала обожжённую руку, её глаза были полны ужаса.

Но он лишь рассмеялся — низко, горько, как человек, понявший страшную истину:

— Моя кровь помечает своё.

Ниса причмокнула, и в этот момент монитор за спиной Тайрин издал протяжный гудок, возвещая о конце. Линия на экране вытянулась в прямую.

— Клянусь кровью Даррэнов, — Себастьян прижал руку умирающей к губам, его голос звучал твердо, как сталь. — Она будет знать, кто была её матерью.

Тайрин закрыла глаза. В последний раз. Рассветные лучи, пробивающиеся сквозь витраж, окрасили её бледное лицо в кроваво-красные тона.

Рассвет.

Себастьян стоял у окна, его неподвижный силуэт чётко вырисовывался на фоне розовеющего неба. Врачи молчали, боясь нарушить тяжелую тишину.

— Официально, — его голос звучал как приговор, — леди Изавель родила мне дочь сегодня ночью.

Главный врач опустил глаза, его пальцы нервно перебирали край халата:

— Но документы... Свидетели...

— Будут оформлены, — золотые монеты с гербом Даррэнов рассыпались по металлическому столу с мелодичным звоном. — Никаких следов. Никаких вопросов.

Когда напуганные медики вышли, Себастьян впервые за несколько часов посмотрел на дочь, которую всё ещё держал на руках. На её груди, прямо над сердцем, светился крошечный силуэт феникса — последний подарок умирающей матери, отметина, которая теперь навсегда свяжет её с правящим домом.

А за окном поднималось солнце, освещая величественные башни города Эйернона, который ещё не знал — этой ночью родилась не просто девочка. Родилась легенда, которая изменит судьбу империи.

Черный автомобиль с затемненными стеклами плавно выехал с территории клиники, его длинный корпус отбрасывал на асфальт зыбкую тень, будто живое существо, сливающееся с предрассветными сумерками. Двигатель урчал почти неслышно, как далекий гул подземных пещер — ровный, глубокий, привыкший к тишине. За рулем сидел Вердан — не просто водитель, а верный слуга семьи Даррэнов, чья преданность была выкована веками, словно сталь в горниле древних клятв. Его узловатые пальцы, покрытые шрамами от забытых заклятий и битв давно минувших эпох, уверенно сжимали руль, украшенный фамильным гербом — фениксом, обвивающим кинжал. В его глазах, темных, как смола, отражалась не просто решимость, а спокойствие существа, для которого время текло иначе. Он служил этому дому три столетия — видел, как рождались и умирали поколения, как тайны обрастали новыми слоями лжи, как секре-

ты, которые он хранил, могли бы разрушить не одну империю.

На заднем сиденье Себастьян Даррэн, его плечи напряжены под тяжестью не столько свертка, сколько того, что он в себе нес, бережно прижимал к груди шелковый сверток. Ткань переливалась, словно живая, обвивая хрупкое тельце Нисы. Девочка спала, ее крошечное личико было безмятежным — ни один мускул не дрогнул, будто она и не подозревала, что стала центром бури, перевернувшей весь порядок в их мире. Через затемненные стекла пробивались первые лучи солнца, золотистые и холодные, словно касаясь ее бледной кожи нежными пальцами рассвета.

— Уже ждут, милорд? — спросил Вердан, бросая взгляд в зеркало заднего вида. Его голос, низкий и шершавый, словно скрип старого пергамента, нарушил тишину, но не разрушил ее — он вплеся в нее, как еще одна нота в давно знакомую мелодию.

Себастьян кивнул, не отрывая глаз от дочери. Его мысли были далеко — в покоях их родового поместья, где Григориан, дворецкий, служивший семье пять веков, уже готовился к их возвращению. Он знал, как успокоить леди Изавель, как сгладить острые углы этого тщательно спланированного обмана, как сделать так, чтобы даже тени на стенах, не шептали лишнего.

Прошлое

В комнате леди Изавель утренний свет струился сквозь

тяжелые шторы, окутывая ее фигуру у окна мягким сиянием, будто пытаюсь смыть с нее следы ночи. Хрустальные подвески люстры дрожали, ловя каждый его лучик, рассыпая по комнате радужные блики.

— Еще немного, — прошептала Ризана, поправляя складки на плечах хозяйки. Ее пальцы, тонкие и ловкие, двигались с привычной осторожностью — она знала, какая участь ждет тех, кто оставит на этом платье хоть одну морщинку. Сто пятьдесят лет службы — возраст, по их меркам, почти детский, но за это время она научилась читать между строк, видеть то, что скрыто за масками. Именно она каждый месяц пробиралась в Нижний Эйернон, в те темные переулки, где даже воздух был пропитан пылью веков, чтобы купить особые травы — те, что вызывали тошноту, головокружение, все симптомы, которые должны были убедить мир: леди Изавель ждет ребенка.

Дверь спальни бесшумно отворилась, и в комнату вошел Грегориан. Его тени, вечные спутники, расходились по комнате, ощупывая каждый угол, каждую складку ткани, проверяя, нет ли здесь чужих ушей. — Чай с мятой, миледи. От... утреннего недомогания, — произнес он, и в его голосе не было ни капли иронии, только холодная, почти математическая точность. Его глаза, глубокие, как колодцы забытых знаний, встретились с взглядом Изавель — и в них читалось полное понимание. Он знал.

А внизу, на кухне, Мерьем, чьи руки помнили вкус теста

еще со времен прадеда Себастьяна, пекла имбирное печенье. Оно должно было помочь "от токсикоза". Ее пальцы дрожали, когда она добавляла в тесто щепотку песка из Часового Источника — того самого, что сохранял свойства еды месяцами. Каждое движение сопровождалось тихим шепотом — молитвой о прощении, обращенной к тем богам, в которых она когда-то верила.

Настоящее

Поместье Даррэнов встретило их.

Фасад особняка, освещенный первыми лучами солнца, казался высеченным из единого куска черного мрамора — холодного, неприступного, как сама история этого рода. Ветви древних деревьев, обрамлявших подъездную аллею, склонились, будто в поклоне, их листья шептали что-то на языке, забытом даже эльфами.

У парадного входа стояла Мерьем. Ее круглое, обычно улыбчивое лицо было серьезным, а в уголках глаз, помнивших столько поколений Даррэнов, блестели слезы. — Дайка ее сюда, милорд, — прошептала она, протягивая руки. Ее ладони, привыкшие к раскаленным противням и кипящим котлам, дрожали, когда она взяла сверток.

Ризана стояла чуть поодаль, ее пальцы сжимали подол передника так крепко, что костяшки побелели. Именно она все эти месяцы тайком носила еду Тайрин — той, чье имя теперь никогда не будет произнесено вслух. И теперь ей предстояло принять нового члена семьи — ребенка, ради которого было

пролито столько слез, сказано столько лжи.

На верхней площадке лестницы появилась Изавель.

Ее поза была безупречна, платье — безукоризненно гладкое, но Себастьян видел — ногти впились в ладони так, что на безупречной коже выступили капли крови.

— Принеси ее сюда, — сказала она мягко.

И в ее голосе не было ни капли той ярости, что разрывала ее четыре месяца назад, когда правда всплыла наружу.

Себастьян развернул сверток.

Ниса открыла глаза.

Зеленые. Как у самой Изавель.

С зрачками почти как у феникса.

— Мы так долго ждали тебя, — прошептала Изавель, принимая ребенка на руки.

В воздухе вспыхнули золотистые искры, когда крошечные пальцы Нисы сжали ее палец с силой, неожиданной для младенца.

— Моя дочь, — объявила Изавель. В этих словах ни тени притворства, ни капли привычной лживой благостности. Лишь обнажённая, колючая правда, которую невозможно обойти стороной. Та самая, от которой сжимается сердце, но которую необходимо принять.

Грегориан молча поклонился и удалился оформлять документы, где матерью значилась леди Изавель Даррэн. Его тени скользили по коридорам, стирая последние следы обмана, затягивая петлю этой истории так же плотно, как зата-

живались все дела в этом доме.

А в зимнем саду Янистен, их сын которому было сто три года (подросток в этом мире), ждал знакомства с сестрой.

Он не знал, сколько сердец было разбито, чтобы эта семья обрела нового члена.

Но однажды узнает.

Великая Империя Эйернон, раскинувшаяся на бескрайних просторах от Ледяных пиков до Пылающих пустынь, существовала по законам, непонятым простым смертным. Здесь, под сенью древних магических династий, мир делился на два типа людей — тех, кому судьба даровала магию в крови, и тех, кто был лишен этого дара. Аристократы и их верные слуги, чьи жизни тянулись веками, подобно древним дубам в родовых садах, и простые смертные, чей век был краток, как полет мотылька в летнюю ночь.

Поместье Даррэнов, возвышавшееся над городом своими остроконечными шпилями, было живым воплощением этого порядка. Каждый камень в его стенах, каждая балка в перекрытиях хранила память о двадцати поколениях волшебников. И каждый слуга в этих стенах носил в себе уникальный дар, данный им от рождения, а не по милости господ.

Грегориан, дворецкий, чья тень уже пять столетий скользила по мраморным полам поместья, обладал удивительной способностью раздваивать свое сознание. Его призрачные двойники могли одновременно накрывать стол в столовой, украшенной фамильным серебром, проверять запасы в вин-

ном погребѣ, где покоились бутылки старше многих королевств, и встречать гостей у массивных кованых ворот, чьи створки помнили шаги великих магов прошлого.

Мерьем, кухарка, чьи руки знали секреты тысячелетней кулинарии, владела искусством управления временем в своих блюдах. Ее пироги, пропитанные магией, сохраняли свежесть ровно сто лет благодаря особому ингредиенту — щепотке песка из Часового Источника, места, где само время текло вспять, как река, решившая вернуться к своему истоку. Каждое утро она добавляла эту диковинную приправу в тесто, создавая кулинарные шедевры, которые переживали поколения простых смертных.

Эшреф, садовник, чьи пальцы чувствовали пульс каждого растения, мог разговаривать с розами, чьи корни помнили первые дни Империи. Его белые розы, высаженные еще прадедом Себастьяна, по ночам оживали, становясь безмолвными стражами поместья. Их лепестки шелестели предупреждениями на языке, понятном лишь ему, а самые старые кусты шептали истории прошлого, рассказывая о событиях, свидетелями которых они стали.

Ризана, самая молодая из слуг, обладала удивительным даром находить любую потерянную вещь. Ее пальцы сами тянулись к пропаже, будто между ней и искомым предметом существовала незримая связь. Ни одна брошь, ни одно письмо, ни даже случайно оброненная иглолка не могли укрыться от ее магического чутья. Этот дар делал ее незаменимой в

огромном поместье, где вещи имели привычку теряться среди бесчисленных комнат и коридоров.

В ту памятную ночь, когда в дом принесли новорожденную Нису, все они использовали свои дары, создавая совершенную иллюзию обыденности. Грегориан стирал следы присутствия ребенка, его тени метались по коридорам, проверяя каждую щель, каждый угол. Мерьем замедляла время на кухне, чтобы даже случайный скрип половицы не выдал тайны. Эшреф заставил розы замереть, их обычно бдительные лепестки неподвижно замерли, не шелохнувшись даже под порывами ночного ветра. Ризана проверила каждую комнату — ни одна вещь не должна была выдать необычность этого вечера.

А в глубине сада, где лунный свет струился сквозь листья древних деревьев, у Древа Исцеления, чья кора хранила шрамы от клятв многих поколений, происходило таинство. Изавель, ее лицо бледное в лунном свете, совершала древний ритуал. Лезвие бритвы блеснуло в темноте, и ее кровь, алая как первые лучи зари, упала на обнаженные корни древнего дуба. Дерево вздохнуло, его ветви зашевелились, словно пробуждаясь от долгого сна. Они нежно обвили младенца, и на запястье Нисы появилась отметина Даррэнов — переплетенные ветви с фениксом в центре, символ, который теперь навсегда свяжет ее с этим домом, с этой семьей, с этой судьбой.

В тот же миг, будто сама вселенная откликнулась на это

событие, по всей Империи прокатилась волна необъяснимых явлений. В соседнем королевстве Валландар, за горами, покрытыми вечными снегами, король Волард проснулся от жгучей боли — на его груди проступил ожог в форме феникса. Его крик разбудил весь дворец, а придворные маги весь день шептались о дурных предзнаменованиях.

В Императорском дворце в покоях принца Дагорна Веленского, произошло нечто необъяснимое. Все зеркала, от огромных трюмо до маленьких ручных зеркалец, одновременно показали одно и то же изображение — горящего феникса, прежде чем вернуться к нормальному состоянию. Придворные гадали, что бы это могло означать, но лишь самые мудрые из них понимали — сама судьба указывала на роль, которую предстоит сыграть молодому принцу в грядущих событиях.

В Нижнем Эйерноне, в тайном убежище, скрытом под развалинами старого храма, проснулся древний артефакт, триста лет лежавший без движения. Кинжал Полукровок, оружие легендарного героя прошлого, внезапно вспыхнул багровым светом, заставив членов тайного Ордена Феникса в трепете пасть на колени.

А на самой границе с Валландаром, в Башне Иллюзий, где маги веками изучали искусство обмана, произошло нечто невероятное. Главная хрустальная сфера, огромный шар, в котором можно было увидеть будущее, внезапно разлетелась на тысячи осколков, хотя никто не приближался к ней бли-

же чем на сто шагов. Старшие маги переглянулись — такое случилось лишь перед великими переменами.

Так началась история Нисы Даррэн — полукровки, принятой в великий Дом. В мире, где даже самые незначительные события отзывались эхом во всех уголках империи, а судьба уже начала плести свои незримые нити, связывая жизни тех, кто еще не знал, насколько важную роль им предстоит сыграть в грядущей буре. Буре, что собиралась над Эйерноном медленно, но неотвратно, как сходящиеся в смертельном танце клинки, как тучи перед великой битвой, как волны перед штормом, который изменит все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.